

Самоидентификация, кто спорит, — вещь по-своему немаловажная. Но разве может историограф позволить себе в полной мере полагаться на нее — равно как и на любые другие декларации? В конечном счете такие задачи, как известно, приходится решать только путем тщательного анализа самого пыпинского научного наследия.

Обращаясь к нему, Е. П. Аксенова почему-то сделала упор на том, что «сближаясь с позитивистами, Пыпин считал науку единственной формой знания. Прогресс человечества он связывал с развитием научных знаний; этому процессу должно способствовать совершенствование общественной жизни и расширение образования» (С. 31). Последователи О. Конта действительно очень чтит науку. Но означает ли это, что подобное отношение следует считать важным отличительным признаком позитивиста?

К слову заметим, что интересные наблюдения над преломлением позитивистских идей в творчестве А. Н. Пыпина были сделаны в докладе А. С. Озерянского на юбилейной сессии 2004 года⁵. Остается сожалеть, что они не нашли отражения в монографии.

Нельзя сказать, что автор рецензируемой книги не ценит аналитический подход к историографическим объектам или не умеет его реализовать. Другие работы Е. П. Аксеновой, в частности «Очерки из истории отечественного славяноведения: 1930-е годы»⁶, доказывают как раз обратное. Но в данном случае автор предпочел акцент сделать на максимально полном охвате всех писаний Пыпина на славянскую тему. Е. П. Аксенова — за что ей честь и хвала — отыскала и собрала разбросанные по журналам 1860-х – начала 1900-х годов статьи, заметки, рецензии А. Н. Пыпина, обобщила и разнесла по соответствующим тематическим рубрикам его высказывания. Должно быть, именно это трудоемкое дело заслонило собой в ее глазах почти все остальное.

Опубликованная монография вызывает искреннее уважение. Она, можно полагать, окажется востребованной. Однако с сожалением приходится констатировать, что выбор того угла зрения, под которым исследовательница рассматривает собранный и систематизированный ею громадный материал, явно пошел книге не на пользу.

Л. М. Аржакова

Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 847 с. ISBN 5-85759-355-2

За последние годы у нас появился целый ряд по-настоящему интересных, содержательных историографических работ, посвященных отечественной славистике. Среди них — монографии Е. П. Аксеновой, М. Ю. Досталь, М. А. Робинсона... Однако и на таком фоне

⁵ *Озерянский А. С.* К вопросу об исторических взглядах А. Н. Пыпина // А. Н. Пыпин и проблемы славяноведения. М.: Ставрополь, 2005.

⁶ *Аксенова Е. П.* Очерки из истории отечественного славяноведения: 1930-е годы. М., 2000.

исследование Л. П. Лаптевой, вышедшее в московском издательстве «Индрик», представляет собой явление исключительное.

Фундаментальный труд не просто суммировал, привел в систему, обобщил материал, за долгие годы накопленный нашей историографией. Нельзя не подчеркнуть: огромная часть этого материала введена в научный оборот многолетними и плодотворными разысканиями самой Л. П. Лаптевой. Не мудрено, что практически во всех разделах книги присутствуют ссылки ее автора на собственные — давние и новые — работы. Во многих случаях такие ссылки доминируют. Нередко ими библиография исчерпывается — потому что, помимо автора рецензируемой книги, никто на данную тему не писал. Исследовательница, отметив давно назревшую необходимость осветить историю развития русского славяноведения, имела все основания сказать, что «настоящая книга является по существу первой попыткой подобного обобщения» (С. 8 — *здесь и далее ссылки на рецензируемую книгу в скобках в тексте*).

Монография перекликается — иногда текстуально — с такими изданиями, как университетский учебник «Историография истории южных и западных славян»¹ или коллективный академический труд «Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян»², в работе над которыми Л. П. Лаптева принимала деятельное участие. Но есть одно существенное отличие: там ей поневоле приходилось подчиняться редакторскому диктату, и оттого печатный текст, пусть под ним и стоит ее имя, порой далеко отходил от суждений и оценок исследовательницы. Сейчас же читатель напрямую встречается с ними. Он может соглашаться с этими оценками, может их оспаривать. Однако теперь перед ним — не текст, полученный после долгих обсуждений и согласований в кабинетах разного ранга и в итоге ставший безликим, а живая мысль самой Людмилы Павловны Лаптевой.

В монографии рассматриваются сложные, нередко скудно освещенные в ранее опубликованных источниках и слабо разработанные в литературе, вопросы. Многие из них служат предметом полемики, и их трактовка Л. П. Лаптевой подчас тоже оказывается далеко не бесспорной. Уже на первых страницах рецензируемой книги исследовательница четко сформулировала свое понимание хода историографического процесса: «Автор считает, что дореволюционное русское славяноведение развивалось по восходящей и достигло апогея в первые полтора десятилетия XX в.» (С. 11).

С полным правом ученый напоминает о том, что никогда не разделяла господствующей в советские времена концепции кризиса, якобы переживаемого отечественным славяноведением в начале XX в. Такое упорство в отстаивании собственных убеждений, доставившее ей тогда немало неприятностей, весьма характерно для гражданской и научной позиции Людмилы Павловны. Оно не может не вызывать глубокого уважения. Но оно же одновременно, думается, высвечивает и некоторую односторонность в подходе исследовательницы к предмету.

Отказавшись в свое время домысливать в угоду навязываемой сверху искусственной схеме признаки безысходного упадка так называемой буржуазной науки, не впадает ли автор теперь в другую крайность, пренебрегая действительно имевшими место в предреволюционную пору кризисными явлениями? Ведь не обязательно понимать кризис как полное исчерпание творческого потенциала и неуклонную деградацию. Это, прежде всего, прояв-

¹ Историография истории южных и западных славян. М., 1987.

² Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988.

ление неудовлетворенности имеющимся исследовательским инструментарием, поиск новых путей в науке. И как раз на рубеже XIX–XX вв. славистика, насколько можно судить, вовсе не оставалась в стороне от подобных забот. Возможно, она меньше некоторых других отраслей отечественной исторической науки была затронута методологическими искажениями. Но нужно ли именно это считать достоинством, признаком непрерывного поступательного движения, которое ведет к некоему апогею?

При обозначении рубежей между отдельными периодами в истории отечественного славяноведения XIX в. Людмила Павловна Лаптева ориентировалась в первую очередь на то, как шел процесс «смены научных направлений, когда, например, в области изучения истории славян наступает заметный отход от романтических теорий и переход к позитивизму и иным методологическим течениям» (С. 10). С таким принципом периодизации можно лишь солидаризироваться. Но вот его практическая реализация автором представляется дискуссионной.

Во-первых, «смена научных направлений» датирована 1890-ми годами. Поскольку этот рубеж обусловил, как тут же объяснено, верхние хронологические рамки исследования, а 1890-е годы в рецензируемой книге охвачены, — значит, граница между периодами, по мысли Людмилы Павловны, пролегает в самом конце десятилетия, на грани двух веков. Всякое прочерчивание границ между историографическими периодами, конечно, не может не быть в значительной мере условностью. Но все-таки какими соображениями продиктована передвижка методологического рубежа на конец 1890-х годов? В разных ветвях нашего исторического славяноведения сдвиги происходили с неодинаковой интенсивностью, но, скажем, в полонистике, которая по своему удельному весу стояла здесь вовсе не на последнем месте, поворот в сторону позитивизма явственно дает себя знать еще в восьмидесятые годы XIX столетия.

Во-вторых, в книге, на наш взгляд, недостаточно объяснено, отчего «развитие славяноведения в России XX века делится автором на два периода: с начала XIX в. до реформ 60-х годов и после этих реформ» (С. 10). Конечно, такое членение уже закреплено историографической традицией. Но в чем конкретно проявили себя те качественные сдвиги в состоянии наших славистических студий, которые дают основание проводить грань в истории нашего славяноведения по началу 1860-х годов и какова их глубинная связь с Великой реформой, чью эпохальную значимость в жизни русского общества никто не ставит под сомнение, — все это по-прежнему остается недостаточно проясненным.

Свойственную исследователю увлеченность, которая иной раз толкает ее на умозаключения, веские доводы в пользу которых так и не представлены читателю, проиллюстрируем на примере мелкого, но, по ее же словам, поучительного эпизода. Во время своей заграничной командировки 1839–1842 годов П. И. Прейс в одном из писем поделился с М. С. Кутургой впечатлением от прохождения паспортного контроля на австрийской границе. Путешественника смутило издоемство тамошнего чиновника, из чего Л. П. Лаптевой уверенно делается очень далеко идущий вывод, к которому Прейс уже отношения не имеет: «Русская интеллигенция первой половины XIX в., кажется, не давала и не брала взятки! Однако “прогрессивная” Европа привила ей этот “обычай” столь успешно, что через полтора столетия талантливые “ученики”, похоже, превзошли своих учителей» (С. 162).

Из знакомства с монографией читатель, помимо прочего, вынесет представление о том, что прошлое славянского мира изучалось в XIX в. чрезвычайно неравномерно, избирательно. Так оно в действительности и было, и одной из стоящих перед историографами

задач оказывается выяснение того, какие объективные и субъективные моменты побуждали историков концентрировать свое внимание на тех или иных объектах. Однако не менее избирательным является и сам подход Л. П. Лаптевой к научному наследию позапрошлого столетия. К примеру, в книге ни разу даже не назван Н. П. Аксаков, хотя без писаний талантливого публициста-славянофила трудно себе представить нашу славистику конца XIX века. В «Истории славяноведения» не фигурирует А. С. Травецкий, чья магистерская диссертация «Польское бескорольеве по прекращении династии Ягеллонов» ввела в науку важные исторические памятники.

Да что там Аксаков или Травецкий! На пространстве более чем 800-страничной монографии только дважды упоминается Н. Я. Данилевский. Собственно, оба раза Л. П. Лаптева говорит не о самом авторе «России и Европы» и не об его концепции, а лишь о том, что его книгу походя упомянул в одном из своих писем М. П. Покровский (С. 587) и на нее кратко сослался Ф. Ф. Зигель в рецензии на сочинение К. Я. Грота (С. 695).

Причем исследовательницу ни в коем случае нельзя заподозрить в непонимании его роли и места в истории отечественной славистики, в истории русской общественной мысли тех видных ученых, что остались на периферии или вовсе за пределами ее монографии. Дело, насколько понимаем, совсем в другом. Центр тяжести у монографии Л. П. Лаптевой лежит в сфере архивных разысканий. Кропотливые, трудоемкие и требующие незаурядной эрудиции поиски в архивохранилищах Москвы, Петербурга, других российских и зарубежных научных центров, вместе с соотнесением их результатов с существующими публикациями источников, привели к ряду важных находок. Естественно стремление историографа их обнародовать, с максимальной полнотой ввести в научный оборот. Ради этого он сознательно жертвовал многим. К слову сказать, о том же Николае Петровиче Аксакове Людмила Павловна Лаптева безусловно располагала всей нужной информацией, еще в 1979 г. поместив содержательную статью о нем в библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России».

Специфика привлекаемых автором источниковых фондов тоже по-своему способствовала известной неравномерности в освещении судеб славяноведения XIX века. Так, изученное Л. П. Лаптевой эпистолярное наследие П. И. Прейса, А. Ф. Гильфердинга, В. И. Ламанского и др., предоставив уникальную возможность проследить за официальными и личными контактами славистов, позволило в ряде случаев выявить непосредственную реакцию этих историков на события в мире, узнать об их научных планах и замыслах. Как из личных, так и из казенных фондов исследовательницей извлечены документы, характеризующие становление филологических и исторических учебных дисциплин в университетах России, эволюцию учебных программ, персональные перемещения в служебной иерархии и пр. Материал этот по-своему неocenим.

Но вместе с тем он в рецензируемой монографии до известной меры заслоняет собой учебные труды наших славистов — те самые книги, статьи, рецензии и иную продукцию, которая полнее и ярче всего воплотила движение науки как таковой.

Бесспорно, без обращения к труду Л. П. Лаптевой, который несет в себе, без преувеличения, колоссальную информацию, уверены, теперь не обойтись буквально ни одному историку, интересующемуся прошлым отечественного славяноведения. В то же время книга (хотя в ней более полусотни печатных листов) далеко не вместила всего собранного и исследованного автором материала, касающегося как XIX века, так и особенно начала XX века. Желательно, вернее сказать, необходимо, чтобы работа была продолжена.

Издание такого масштаба, понятно, — предприятие не только во всех отношениях трудоемкое, оно еще требует и немалых финансовых затрат. Тем не менее, будем надеяться, что в недалгом времени последует и займет свое достойное место в историографии продолжение капитального исследования Л. П. Лаптевой — в этом, не приходится сомневаться, заинтересованы мы все.